

На волке верхом
Ехала в сумерки
Та, что хотела
Стать его спутницей;
Знала она,
Что смерть ожидает
Сигрлинн сына
На Сигарсвеллире.

Старшая Эдда

Труп был тяжелым. Я попыталась ухватить его за ноги, услышав грозный окрик: «Шевелись!», но они непостижимым образом выскользнули из моих рук, и я с тихим стоном опустилась на землю. Да, прятать трупы нелегкая задача. Не дожидаясь вторичного окрика, я все-таки вскочила, вновь ухватилась за ноги и, тяжело дыша, сделала первые несколько шагов, радуясь, что в темноте не могу видеть лица покойника.

Я споткнулась и едва не упала, но на сей раз ног не выпустила, удивляясь крепости собственной нервной системы. За последние два часа я как минимум трижды была обязана грохнуться в обморок, а ничего, бегаю. Трупы прячу. «Как такое могло произойти со мной?» — задала я себе риторический вопрос и вздохнула.

Моя жизнь обещала быть по всем статьям ничем не примечательной. Родилась я в маленьком районном городке, который с трудом насчитывал шестьдесят тысяч жителей. Конечно, не деревня, но близко к этому. Моя мама произвела меня на свет в семнадцать лет, едва успев окончить школу; отца своего я не знала, подозреваю, что на этот счет дела у матери обстояли не лучше, то есть и она толком его не знала. По крайней мере, я слышала три разные версии моего

счастливого зачатия, где главными действующими лицами попеременно были то известный актер, то футболист, то рок-музыкант, тоже, разумеется, известный. У моей тетки была своя гипотеза тех событий, а число кандидатов на отцовство у нее сократилось до двух: первый был солдатом срочной службы, с ним мама крутила любовь целых полгода; второй — парень с соседней улицы, жуткая шпана, который сел в тюрьму раньше, чем его успели призвать в армию. В родной город он более не вернулся и, по мнению той же тетки, давно сложил буйную головушку в пьяной драке или умер от чахотки. Кстати, эта самая чахотка всецело занимала мое воображение в детстве, я мысленно видела своего отца в мрачном подземелье, прикованным к стене цепью. По стене стекает вода, образуя лужи на каменном полу, а мой отец надсадно кашляет и в конце концов испускает последний вздох.

Собственно, история моего рождения была самым интересным эпизодом моей жизни, может, поэтому отец в детстве и являлся мне в декорациях фильмов по романам Дюма.

Благополучно разрешившись от бремени, мама оставила меня на попечение своей сестры, старой девы тридцати семи лет. Та была дочерью ее отца от первого брака, и они не особенно друг друга жаловали, да и знакомы были не очень хорошо в силу двадцатилетней разницы в возрасте. Ко всему прочему, сестра жила в поселке неподалеку от нашего города, так что их встречи были не частыми. Однако после смерти моей бабушки Люба, так зовут мою тетку, переехала в город, чтобы взять на себя заботу о своем отце и сводной, тогда десятилетней, сестре. Собственно, она заменила ей мать. Через пять лет умер отец, и они остались вдвоем на всем белом свете. Мать Любы умерла еще раньше, чем моя бабушка. А потом родилась я, и мама,

ежедневно рыдая от обрушившегося на нее счастья, вспомнила, что в первом классе у нее была пятерка по математике, и бросилась поступать в техникум (на институт она не замахивалась, пятерки у нее особо не водились). Техникум находился в областном центре, откуда мама уже не вернулась. На втором курсе она вышла замуж, забыв рассказать супругу о моем существовании. После регистрации она решила с этим тоже не спешить и в конце концов пришла к выводу, что ставить его в известность обо мне вовсе ни к чему, оттого в редкие наезды мамы я называла ее тетей Нинной, а тетю Любу, соответственно, мамой. В детские мозги это вносило некоторую сумятицу, и я лет до девяти толком не могла разобраться ни с мамами, ни с отцами.

На момент начала этой истории мать жила в Ульяновске, обремененная тремя детьми и вечно нетрезвым мужем, жаловалась на хроническое безденежье и уже лет семь как нас не посещала, забывая отвечать на письма. Телефона у нее не было, так что о ее жизни мы с тетей Любой имели довольно смутное представление.

Тете Любе уже было около шестидесяти, окружающий мир вызывал у нее стойкое отвращение, и она мечтала уйти в монастырь. Дело было за малым: оказалось, что в монастырь уйти не так просто, то есть с пустыми руками берут туда весьма неохотно, и тетка вела подвижническую жизнь в миру, гневно критикуя «прощелыг и выжиг, окопавшихся в церкви». Несмотря на суровый теткин нрав и неумную тягу к обличению несправедливости, мое детство можно назвать вполне счастливым. Я, как водится, переболела ветрянкой, корью и ангиной, громко читала стихи про Мишку, взгромоздясь на стул, в положенное время отправилась в школу и с отличием ее закончила, не

очень напрягаясь. В девять вечера по установленному порядку я молилась вместе с теткой, после чего она отходила ко сну, а я читала и предавалась мечтам.

Мои мечты ничего общего с реальной жизнью не имели, и уже лет в двенадцать я поняла, что либо мечтать надо о чем-то другом, раз пираты, мушкетеры и прочие романтические персонажи канули в небытие, либо нужно смириться с тем, что мечты мои никогда не осуществляются. Я смирилась, нимало не печалась, и продолжала мечтать в свое удовольствие.

После окончания школы я хотела пойти работать, не желая сидеть далее на теткиной шее, но тетя Люба заявила, что спит и видит меня учительницей, так как некогда об учительстве мечтала сама, однако различные жизненные трудности помешали ее мечте осуществиться. Чтобы сделать ей приятное, я стала готовиться к поступлению в педагогический институт, но его в нашем городе не было, и я, с благословения тетки, отправилась в областной центр. Моей покладистости сильно способствовал тот факт, что в жизни тетки к тому моменту появился некий святой старец, а с моей точки зрения, просто бомж. Маленький юркий мужичок с бородой лопатой, которого Люба разместила в своей квартире. Старец последние тридцать лет нигде принципиально не работал, а теперь все свое время посвящал душеспасительным разговорам и диспутам с теткой на маловразумительные богословские темы, что наполнило ее жизнь давно ожидаемым смыслом. Она тихо радовалась своей миссии (взвалив на свои хилые плечи заботу о «святом» человеке), и мне показалось, что мое присутствие ее понемногу начало угнетать.

Послушав однажды очередную проповедь старца, который утверждал, что Христос вовсе не был богом, а природа его целиком и полностью человеческая, я

сдуру брякнула, что это альбигойская ересь. Обалдение на лицах дискутирующих было ложно принято мною за неподдельный интерес, и я увлеченно рассказывала минут пятнадцать о катарах и Крестовом походе против них, о последней твердыне и прочем, пока не схлопотала от тетки полотенцем. Физическое воздействие сопровождалось словами «больно умная стала», после чего я была зачислена в стан идеологических врагов, и благословение мое на учебу в областной центр вышло не очень трогательным, но поспешным.

В институт я поступила, устроилась на работу, потому что была приучена есть трижды в день, и последующие четыре года прошли быстро, без значительных событий и волнений.

Жила я в общежитии и делила комнату с тремя девчонками из таких же районных городков, как и моя малая родина. Девчонки мечтали поскорее выйти замуж, мысль вернуться в родные пенаты их откровенно пугала. Мне же, по большому счету, было все равно, раз мои собственные мечты были неосуществимы как здесь, так и там, однако в беседах на излюбленную тему я принимала весьма деятельное участие, слушала откровения подруг, дважды пыталась влюбиться сама и дважды с печалью констатировала, что это мне не удалось, то есть те чувства, которые я в реальности испытывала, были далеки от тех, что я к тому моменту успела себе напридумывать. Девчонки критиковали меня за дурной характер, излишнюю разговорчивость и предрекали гневливо любовь к какому-нибудь прохвосту, с которым я буду мучиться всю жизнь. Такая перспектива не очень меня пугала, потому что к тому времени я начала опасаться вовсе никогда не влюбиться. Если учесть, что все мои мечты были об этой

самой любви, мое горе от данного открытия не знало границ.

— Ты бесчувственная, — говорила одна подруга.

— Эгоистка, — вторила ей другая.

— Ты расчетлива и коварна, — вступала третья, и все вместе дружно заявляли:

— Выйдешь замуж за олигарха, — чем ставили меня в тупик.

Олигархи меня волновали мало, являясь существами из другого мира, еще более фантастического, чем тот, в коем обитал возлюбленный моей мечты. Однако, встретив свое двадцатилетие, я начала беспокоиться: в моем возрасте положено влюбляться, а сердце при взгляде на парней не екает, физиономия не бледнеет и руки предательски не дрожат. Бог знает откуда я это взяла, но свято верила, что эти три признака свидетельствуют о внезапно нагрянувшей настоящей любви.

С точки зрения многочисленных подруг и друзей, я была красавицей, но сама соглашаться с этим не спешила, вынеся из долгих бесед с теткой убеждение в том, что человек прежде всего красив душой, а моя была за семью печатями. Эгоизм и бесчувственность, в которых я сама уверилась, отнюдь меня не красили, так же, как старые кроссовки, в которых я ходила зимой и летом, всесезонная куртка на рыбьем меху и две пары джинсов сомнительного происхождения. В общем, с моей точки зрения, я мало походила как на романтическую красавицу, так и на глянцевого дива со страниц журналов, и посоветовала себе скоренько найти какой-то смысл в существовании, раз уж с любовью ничего не выходит.

Смысл в руки не давался. Сдав летнюю сессию, я отправилась к тетке в родной Усольск, потому что ле-

том в общагу заселялись абитуриенты, а более податься мне было некуда.

Тетка встретила меня ласково, святой старец отсутствовал. Я очень удивилась, не обнаружив его возле окна, и даже испугалась, не случилось ли с ним чего худого; тетка делала вид, что его здесь вовсе не было, и это заинтересовало меня. Через пару дней соседка донесла, что старец, утомившись богословскими беседами, сбежал от Любы и теперь живет с Тамаркой Rogозиной, разбитной девахой лет тридцати, и помогает ей торговать на рынке. Тетка предала его анафеме и с прежним пылом мечтала о монастырской жизни.

— Тебе надо выйти замуж, — со вздохом сказала мне она. — Не то будешь, как я, одна весь век вековать. Хорошо хоть мне мать тебя подсунула, а то и похоронить бы меня некому было.

Я заверила тетку, что непременно ее похороню, как только она будет к этому готова.

Весь следующий месяц в нашу квартиру вереницей шли женихи. Бог знает откуда их брала тетя Люба, но они неизменно появлялись практически каждые три дня, чинно пили чай на кухне и взирали на потенциальную невесту с сомнением. Тетка меня, в отличие от других, красавицей не считала. А женихов подбирала по принципу «лишь бы человек был хороший». Хороший человек, с ее точки зрения, — непьющий или пьющий умеренно, таких в нашем городе набралось не так много, и по истечении месяца кухня начала пустовать, что тетку очень огорчало.

— Неужто никто не понравился? — вздыхала она.

Я качала головой.

— А Коля, Анны Михайловны сынок?

Сынку Анны Михайловны было лет тридцать пять, и на смотрины он пришел вместе с мамашей. Та, взглянув на меня, сказала:

— А чего худющая такая?

— Да она не ест ничего, — запричитала тетка, косясь в мою сторону, то ли оправдываясь, то ли давая понять, что в новой семье я никого не объем.

Коля хмыкнул и заявил:

— Кости есть, а мясо нарастет, — чем сразу же завоевал мою признательность.

Был он невысок, упитан, ходил с золотой цепью на шее и на всех смотрел исподлобья. У них с матерью было два продуктовых магазина, и по местным меркам они считались олигархами.

Выпив чаю, мамаша отбыла, еще раз хмуро взглянув на меня, сынок, задержавшись у дверей, сказал сурово:

— Ну, что, вечером куда-нибудь выползем?

Я выдала свою лучшую улыбку и шепнула ему в ухо:

— Иди в жопу.

После чего он поспешно удалился, бормоча под нос что-то непристойное. Это был последний претендент на мою руку. У тетки началась затяжная депрессия, а у меня спокойная жизнь, которую ничто не нарушало. Временами тетя Люба, правда, жаловалась:

— Это все из-за твоего имени, — выдвинула она очередную версию моей неудачно складывающейся личной жизни. — Имя накладывает отпечаток на судьбу человека. Чего ты ухмыляешься? Это известный факт, я в журнале прочитала. Поэтому раньше детей называли по имени святого, в чей день они родились. А твоя мамаша чего натворила? Назвала тебя дурацким именем, которого ни в каких святцах не сыщешь. Не удивлюсь, если оно какое-нибудь языческое или нет такого вовсе, и эта вертихвостка его сама придумала.

Мама назвала меня Селиной, и это был ее единственный вклад в дело моего воспитания. Тетка предпо-

читала звать меня Нюсей, и я долгое время считала, что это и есть мое имя, пока в детском саду мне не открыли глаза на то, что я заблуждаюсь.

Обладание редким именем не сделало меня счастливее, зато, безусловно, закалило характер. В школе, правда, стало легче, со мной учились две Дианы и одна Снежана. К десятому классу, когда я, по общему мнению, стала красавицей, нашлись даже завистницы, испытывавшие горькое сожаление оттого, что их собственные имена звучали вполне традиционно.

Где-то классе в третьем я прочитала свое имя наоборот, то есть Анилес, и решила, что в нем есть нечто волшебное, и с той поры довольно долго именно так мысленно себя и называла, воображая себя то феей, то принцессой, которую заколдовала злая ведьма. Это невероятно скрашивало мою ничем не примечательную жизнь, так что, по большому счету, маме следовало сказать спасибо.

Тетка уже давно вышла на пенсию, отработав двадцать пять лет на кирпичном заводе, но продолжала трудиться, справедливо полагая, что на пенсию особо не разживешься. В то лето трижды в неделю она убиралась на «богатых дачах», как тетя любила выражаться. Собственно, с одной из этих дач и началась моя история, которая завела меня довольно далеко от уготованной мне судьбы — сеять разумное, доброе, вечное.

Итак, дача. Ничего особо примечательного в ней не было, если не считать бассейна, но этим кого сейчас удивишь? Но моей тетке, помышлявшей о монашестве и искренне считавшей, что на сто тысяч рублей можно прожить всю жизнь ввиду явной запредельности этой суммы, дача казалась сосредоточением порока, ярким представителем которого являлась хозяйская дочь Катерина.

Сами хозяева жили в областном центре, на даче по-

являлись редко, Катерина же бывала здесь почти каждый выходной и непременно с друзьями. Друзья исправно напивались, устраивали фейерверки и плюхались в бассейн, оглашая округу разноголосыми воплями. Соседи с томлением ждали, что произойдет скорее: спалят они дом по пьяному делу или утопнут. Так как дом стоял на отшибе, и тот и другой сценарий был гражданам одинаково симпатичен.

Катерине исполнилось двадцать пять лет, она окончила столичный вуз, после чего вынуждена была вернуться в отчий дом по настоянию отца, который полагал, что ничего хорошего от ее жизни в столице ждать не приходится. Катерина трудилась в фирме родителя, дела на личном фронте у нее не складывались, многочисленные приятели не задерживались, и через каждую пару недель она появлялась в новой компании. Все это я знала из рассказов бывшей одноклассницы, чей дом был неподалеку от этой дачи. За тем, что происходит за кирпичным забором, она зорко следила из своего чердачного окна с биноклем наперевес и доверительно сообщала мне, зло посмеиваясь, однако не без зависти к Катерине. Дом одноклассницы был расположен ближе всех к пресловутому особняку.

Приехав на каникулы, я решила, что, раз мне особо занять себя нечем, следует помочь тетке, и трижды в неделю уборки у богачей теперь проводила я. Дачи находились в двух километрах от городка, в поселке Дружба, который скорее являлся пригородом. Дом, где любила отдыхать Катерина, как я уже сказала, стоял на отшибе, практически в лесу, в живописном месте. Добиралась я туда на велосипеде, очень популярном в нашем городе виде транспорта.

В тот день я отправилась туда часов в десять. Погода была прекрасная, и я решила, что если мне повезет

и с уборкой я справлюсь где-то к обеду, то будет шанс прокатиться на речку. Ни с хозяевами, ни с их дочерью я до тех пор ни разу не встречалась, за домом приглядывала соседка, мать той самой школьной подружки, у нее были ключи, она открывала мне Катеринин дом и принимала работу. Я, как обычно, подъехала к подружкиной калитке и, не слезая с велосипеда, нажала кнопку звонка. На крыльце появилась моя одноклассница.

— Привет, — сказала она весело. — Приехала? А тебя уже ждут.

— Кто? — удивилась я.

— Катька. Они лопали всю ночь, к утру только разъехались, в доме, поди, свиарник, вот она мамке и звонила, спрашивала, когда уборщица придет.

— А-а... — протянула я.

— Ты, когда закончишь, заходи к нам, поболтаем.

Я кивнула и поехала дальше. Оставила велосипед возле ворот дачи, вошла через калитку и присвистнула. Если в доме то же самое, на речку я попаду ближе к вечеру. Я поднялась на крыльцо и позвонила в дверь. Открыли мне минут через пять, когда я уже отчаялась и решила, что Катерина крепко спит и я в дом не попаду. Девушка в полной боевой раскраске смотрела на меня с некоторым удивлением.

— Здравствуйте, — сказала я. — Я пришла убираться.

— Ты? — Удивление ее лишь увеличилось.

— Да, — улыбнулась я. — Тетя неважно себя чувствует, и весь этот месяц прихожу я.

— Ну, заходи. — Катерина посторонилась, пропуская меня в дом.

— Откуда начинать? — деловито осведомилась я.

— Все равно, — зевнула она. — Везде бардак, только в спальню в мансарде пока не лезь.

Я кивнула и пошла в подвал за инвентарем.

Когда я закончила уборку второго этажа, в доме наметилось движение. Двери хлопали, раздавались шаги, а вслед за этим слышались голоса, и стало ясно, что Катерина в доме не одна. Вскоре я увидела гостя, он пил кофе, устроившись в компании хозяйки на веранде. Я проходила мимо и заглянула в открытую дверь. Прямо напротив сидел парень в шортах и белой футболке, вытянув ноги, и насмешливо улыбался, слушая болтовню Катерины. И тут все три признака влюбленности не замедлили ко мне явиться: парень был красив. С моей точки зрения, даже слишком и уж точно не подходил Катерине, которая красотой отнюдь не блистала.

Меня тянуло к веранде как магнитом, и лишь здравый смысл не позволял мне то и дело снова вблизи открытой двери. Я отмывала первый этаж и пребывала в состоянии, близком к блаженству, потому что успела придумать историю нашего знакомства и последующую за этим большую любовь. Я прислушивалась к голосам с веранды, но говорила в основном Катерина, и даже имени парня я не узнала, хотя очень хотелось.

Работала я не торопясь, начисто забыв о своем желании поскорее отправиться на речку, и к моменту окончания уборки у меня уже было минимум три версии истории моей большой любви. Тут появилась Катерина и сказала, хмуро глядя на меня:

— Слушай, вымой тачку, а? Она у гаража стоит.

Я кивнула и пошла мыть машину. Надо сказать, веранда располагалась как раз над гаражом, и, увлеченно надраивая чужую собственность, я сколько угодно могла любоваться объектом моих мечтаний. Очень скоро стало ясно, что он меня тоже заметил, и сердце мое забилось в предчувствии великих событий, потому что несколько раз я ловила на себе его взгляд. Минут через десять он начал откровенно пялиться, при-

чем довольно нахально, а еще через двадцать минут вышел из дома и направился ко мне. Я помнила, что Золушка — девушка скромная, и всецело сосредоточилась на машине, правда, когда наши взгляды встречались, я застенчиво улыбалась, потому что была не только скромна, но и добра.

— Привет, — сказал красавец, и я ответила:

— Привет.

В то же мгновение из дома появилась Катерина, лицо ее пылало от гнева, взгляд, который она обратила ко мне, мог бы испепелить, и я поспешно отвернулась, надеясь, что, если буду вести себя смиренно, повода скандалить у нее не возникнет. Лишать тетку работы я не планировала и оттого забеспокоилась. Парню следовало быть осмотрительнее, впрочем, ему-то что за печаль, если меня отсюда вышвырнут.

— Ты долго еще? — спросила меня Катерина.

— Минут десять, — спокойно ответила я, отводя взгляд. Разгневанным хозяевам в глаза не смотрят, они от этого впадают в священное бешенство.

— Сережа, идем в дом, — позвала она своего приятеля.

На его физиономии отчетливо читалась душевная борьба. Конечно, он предпочел бы остаться со мной, потому что явно не испытывал сильных чувств к своей подруге, однако покорно потрусил за ней.

Я была деревенской девкой, хоть и красавицей, которая моет полы в чужих домах за две тысячи рублей в месяц, а Катерину хоть и нельзя назвать особо привлекательной, однако у нее, в отличие от меня, есть деньги, тачка и эта дача.

Образ принца мгновенно померк в моих глазах, и к неведомому Сергею я потеряла интерес, потому что истинные принцы ведь должны очень хорошо знать, что судить о человеке по тому, как он одет и чем в на-

стоящее время занимается, весьма неосмотрительно. Лягушка может вдруг превратиться в Василису Прекрасную, но ее мужем уже будет младший брат, которого всю жизнь считали дураком.

Я закончила мыть машину, заглянула в дом и громко спросила:

— Еще что-нибудь надо?

— Нет, — ответила Катерина.

— Тогда я пойду, до свидания.

Ответом мне было молчание, и я поняла, что свободна.

Я заперла за собой калитку и уже оседлала велосипед, когда из дома появился Сергей.

— Подожди, — попросил он, подходя к калитке. — На, возьми. — Он протянул мне тысячу рублей и, увидев изумление на моей физиономии, поспешно пояснил: — Это моя машина.

— Да мне нетрудно было, — пожалала я плечами и мысленно усмехнулась, заметив его неуверенность, а еще желание оглянуться, чтобы убедиться: Катерины за спиной нет. — Спасибо, — сказала я и взяла банкноту со счастливой улыбкой.

— Тебя как зовут? — тише спросил он.

— Матрена, — ответила я, решив, что это имя как нельзя лучше соответствует ситуации, улыбнулась шире, еще раз сказала спасибо и покатила по улице, накручивая педали и ничуть не расстроившись. Он просто не тот, кто мне нужен. Не первый раз мне приходилось смириться с этим, наверное, и не последний, однако эта встреча навела меня на неожиданные мысли, то есть неожиданными они были разве что для меня, а на самом деле оригинальностью не отличались. Например, такая: Золушек вокруг пруд пруди, и может случиться так, что принцев на всех не хватит. Опять же, принц из сказки свою возлюбленную уви-

дел на балу в роскошных тряпках, и явилась она туда в золоченой карете, то есть, по-нашему, на спортивной тачке. Это вызвало у меня беспокойство, может, принц-то не умнее олуха Сережи? А может, никакой он не олух и рассуждает правильно, что Золушке не худо бы иметь хотя бы две пары обуви, ну и к ним еще что-нибудь в придачу.

Чтобы легкая паника не перешла в разряд тяжелой, я вспомнила Ассоль и удовлетворенно кивнула. Там-то было все правильно, полюбили ее за красоту и прекрасную душу. Но бессмертное творение Грина отнюдь не успокоило меня, и впервые за много лет я с ужасом подумала, что, помечтав лет до тридцати пяти, я пополнию когорту сумасшедших баб вроде своей тетки. Может, стоит прислушаться к чужим увещеваниям и, плюнув на фантазии, заняться делом? Например, подумать о карьере. Разумеется, не школьной учительницы. Там-то как раз только и остается мечтать о принце, забыв про деньги, потому что в школе их не заработаешь. «А я хочу много зарабатывать?» — задала я себе вопрос и забеспокоилась, потому что ответ заранее знала. Конечно, зарабатывать надо, раз без денег в этой жизни никуда, но сделать это смыслом своей жизни?.. С велосипеда пересесть на спортивную тачку, не зная точно, сколько у тебя пар обуви, и в выходные сидеть на богатой даче в компании вот такого Сережи? Нарисованная картина всерьез обеспокоила меня, деньги никак не хотели становиться смыслом моей жизни, и тогда я вдруг ощутила странную пустоту, заподозрив, что никакого смысла нет вообще. Для меня лично нет. Если любовь, о которой я читала в книжках, просто чья-то выдумка, значит, смысла точно нет, потому что для меня только она, любовь, и имеет значение.

Я привычно начала думать о том, что для меня важ-

нее не чья-то любовь, а моя собственная, то есть главное — влюбиться самой, а с этим-то как раз и были проблемы. Вот в Сергея я, к примеру, ни за что не влюблюсь, потому что его не уважаю, считая слабым человеком, а он пока лучший из всех, кто мне попался. Я вздохнула и почувствовала настоящую потребность отвлечься от своих дурацких мыслей. В кармане у меня лежала тысяча, по местным меркам приличные деньги, их стоило потратить в свое удовольствие, а заодно помечтать в компании Верки, вот уж у кого фантазия на высоте. Я хотела ей позвонить, но потом решила сэкономить и заехать к подруге домой. Верка совершала трудовой подвиг — полола грядки.

— Поедешь купаться? — спросила я.

— Угу, — ответила Верка.

Мы дружили с первого класса, и, хотя последнее время виделись редко, только когда я приезжала на каникулы, я считала ее своей лучшей подругой. Отец ее был пьяница, мать работала на фабрике и с большим трудом кормила всю семью, где, кроме Верки, было еще двое детей младше ее по возрасту. Оттого после школы подруга тоже пошла на фабрику и откровенно завидовала моей жизни в губернском городе.

— Вечером можно в кафе сходить, — предположила я. — У меня деньги есть.

— Да? Откуда?

— Парню одному тачку помыла, он мне тысячу дал.

— За то, что тачку помыла? Врешь, — нахмурилась Верка.

— Ну... — Видя, что в ее сознании зреют самые черные мысли на мой счет, я поспешила рассказать историю о том, как я стала счастливой обладательницей тысячи.

— Он, конечно, познакомиться с тобой хотел, —

кивнула она. — Вот и денег дал. Думал впечатление произвести. У людей в больших городах деньги бешеные.

— У меня — нет.

— Я не про тебя. Ты ему номер своего мобильного дала?

— Нет. Зачем?

— Дура, ей-богу. Как он тебя найдет?

— Да не надо меня искать.

— Тебе он ничуть не понравился? — вздохнула Верка.

— Сначала понравился, даже очень. Симпатичный.

— Вот. Тогда чего ты? Доразбрасываешься парнями...

— Ладно, поехали купаться, — тоже вздохнула я.

— Поехали, — буркнула Верка.

Мы договорились встретиться с ней вечером возле кинотеатра «Ударник», который по праву считался центром нашего города, оттого все свидания, как правило, назначали здесь.

Я пришла раньше и, зная склонность Верки опаздывать, направилась в сквер по соседству, где и устроилась на ближайшей скамейке. В сквере работал фонтан, создавая праздничную атмосферу, оттого, наверное, я сидела и беспричинно улыбалась, вертя головой по сторонам, чтобы не пропустить Верку. И тут мое внимание привлек «Мерседес», который плавно огибал сквер, направляясь к гостинице, что находилась напротив «Ударника». Иномарок в нашем городе хватало, но такие машины все же были редкостью. «Москвичи», — равнодушно подумала я, удивляясь, что им тут понадобилось, но номера оказались нашего региона. Вряд ли я бы так долго разглядывала «Мерседес», если бы не одно обстоятельство: занять себя до

прихода Верки было нечем, оттого я продолжала наблюдать за машиной.

Машина въехала на стоянку, что была возле гостиницы, и из нее показался парень в светлых брюках и полосатой футболке, лицо его я разглядеть не могла из-за значительного расстояния, но, судя по всему, он был довольно молод, точно светловолос и носил очки. Пружинистой походкой парень поднялся по ступенькам ко входу в гостиницу и через мгновение скрылся за стеклянными дверями, а я постаралась найти другой объект для наблюдения, но, пока искала, появилась Верка, и я направилась к ней.

— У меня времени всего три часа, — пожаловалась подруга. — Пойду за батю дежурить, он опять запил.

— Жаль, — вздохнула я. — Могли бы еще в кино сходить.

— Не-а, лучше в кафе, ты пирожных обещала.

И мы пошли в кафе. Сели за столиком в глубине зала, заказали по три пирожных и кофе, и я, наконец, смогла поделиться своими сомнениями с Веркой.

— А чего ты хочешь? — вздохнула она. — Кто ж знает, что у тебя душа прекрасная. Встречают-то по одежке, сейчас такое время. Короче, миром правит бумажный, а точнее, денежный змей. Между прочим, лично я ни о ком особенном уже не мечтаю. Откуда особенному здесь взяться? Это ты живешь в большом городе, а у нас что? По мне был бы мужик непьющий, ну и не совсем идиот и любил бы меня, но и такие, скажу я тебе, большая редкость.

Мне стало грустно, потому что по части фантазий Верка была впереди планеты всей, и вдруг такое: непьющий, не совсем идиот. Здравствуйте, дожили. Неужто и я... Далее продолжать не хотелось, и я приналегла на пирожные. Наш разговор коснулся утреннего приключения, и Верка заявила, что я по дурасти упус-

тила свое счастье. Тут уж мне вовсе стало не по себе, потому что представить Сережу тем самым счастьем, о котором так долго мечталось, было совершенно невозможно. Но тему я поддержала, в нужных местах кивала, не забывая про пирожные. И вечер, можно сказать, удался. Взглянув на часы, Верка вспомнила о дежурстве, я расплатилась, и мы покинули кафе.

— Домой пойдешь? — спросила подруга.

— Прогуляюсь, может, знакомых встречу.

— Ну, тогда пока. — Она махнула мне рукой и зашагала в сторону котельной, где работал сторожем ее родитель, а я направилась к «Ударнику», прикидывая, стоит пойти в кино или нет.

Я как раз проходила мимо кассы, когда услышала:

— Девушка... — И, повернувшись, обнаружила в трех шагах от себя молодого человека в очках, светлых брюках и полосатой футболке. — Извините, — промямлил он, приглядываясь ко мне. — Вы мне не можете?

— Можно попробовать, — пожала я плечами, незнакомец вроде бы на миг растерялся, но почти тут же продолжил:

— Не подскажите, где в вашем городе гостиница?

— Так вот она, — кивнула я на здание, что было через дорогу и в которое два с половиной часа назад входил этот тип.

— Для меня здесь дороговато, — смущенно ответил он. Цены в гостинице были мне неизвестны, но вряд ли они могли произвести сильное впечатление на владельца такого «Мерседеса». Хотя, может, «Мерседес» вовсе не его... — Другой гостиницы в городе нет?

— Нет, — покачала я головой. — И в этой половине площади сдают в аренду, сами видите. В нашем городе нет достопримечательностей, и туристы сюда не ездят.

— А у вас, случайно, нет знакомых, которые сдают

комнаты? Мне всего на одну ночь. Я к другу в гости приехал, а тот, оказывается, укатил на рыбалку. Пытался ему дозвониться, но он в зоне недосягаемости. Автобус уже ушел, уехать я смогу только завтра.

Слова об автобусе поставили меня в тупик. Зачем он этому типу, если его тачка стоит возле гостиницы, я ее отсюда вижу. Может, правда, машина не его, а он кому-то ее пригнал... А может, я ошиблась, и это не он выходил из «Мерседеса», а кто-то очень на него похожий? Я повнимательнее присмотрелась к парню, не забывая отвечать на его вопросы.

— Нет.

— Жаль, — грустит он. — Простите, а как вас зовут?

— Селина, — пытаюсь скрыть недовольный вздох, ответила я.

Незнакомец вроде бы удивился:

— Селина? Какое красивое имя. А меня зовут Вадим.

— Очень приятно, — кивнула я и тут вспомнила: — По-моему, на Малеевке есть гостиница, что-то вроде Дома колхозника. Раньше точно была.

— А где эта Малеевка? — заинтересовался Вадим.

— За рекой, вон в той стороне, дойдете до церкви, потом свернете направо и дальше все время прямо, пока в танк не упретесь.

— А что там танк делает? — удивился парень.

— Ничего. Он памятник. Там свернете налево и увидите мост, а за мостом уже Малеевка. Кого-нибудь спросите, как гостиницу найти.

— А вы здесь с кем-то встречаетесь? — с робкой улыбкой спросил он.

— Встречалась с подругой, но ей на дежурство, а мне одной в кино идти лень.

— Давайте я с вами схожу, — предложил он. — В гостинице мне все равно делать нечего.

— Сеанс закончится поздно, и в темноте вы ника-

кую гостиницу точно не найдете. Фонарей на Малеевке нет, а народ спать ложится рано.

— Да? — Он вздохнул. — Тогда, может, вы меня проводите? Хотя бы немного? Если честно, я уже забыл, где должен сворачивать.

К этому моменту я была абсолютно уверена в том, что не обозналась, это его я видела возле гостиницы, и заподозрила, что Вадим по какой-то причине валяет дурака. Причина была мне неизвестна и оттого интересна, я решила разобраться в ситуации, согласно кивнула, и мы направились к церкви.

— А вы здесь живете или погостить приехали? — спросил Вадим, исподтишка меня разглядывая.

— Приехала к тетке, у меня каникулы.

— Учитесь?

— Да, в педагогическом.

— На каком курсе?

Так незаметно мы дошли до церкви, и я успела поведать основные вехи своей биографии. Он тоже в долгу не остался. Рассказал, что работает программистом в одной фирме, мечтает купить квартиру, а пока снимает жилье на двоих с другом. Приехал он в наши края из Томска, где у него осталась большая дружная семья. Я за него вслух порадовалась, при этом терялась в догадках, не вранье ли это, потом не выдержала и спросила:

— А в наш город вы на автобусе приехали?

— На машине. Со знакомым. Он дальше отправился, в командировку, а я вот здесь.

Выходит, Вадим просто пудрит мне мозги, потому что за рулем точно был он сам, и никакого друга я не видела. Вот только какой смысл ему врать? Версий на сей счет у меня не было, а докопаться до сути хотелось. Когда мы остановились возле церкви, Вадим уверенно спросил:

— Может, еще прогуляемся? А я вас потом провожу?

Я, немного подумав, согласно кивнула, и мы побрели на Малеевку. Ни он, ни я не торопились и всю дорогу болтали. Отыскать гостиницу оказалось легко, выглядела она, по крайней мере с виду, вполне прилично.

— Теперь не заплутаете, — сказала я и начала прощаться.

— Подождите, — забеспокоился Вадим. — Устроюсь и вас провожу.

— Не надо. Мне недалеко.

— Нет-нет, — волновался он. — Уже поздно, как вы одна дойдете?

— Да у нас спокойно.

— Спокойно или нет, а я все равно буду переживать. Подождите пять минут.

Я опять согласилась и устроилась на скамейке возле гостиницы. Вскоре вернулся Вадим:

— Порядок. Спасибо вам огромное, вы очень меня выручили.

— Пожалуйста, — сказала я, и мы побрели к моему дому.

— А знаете, что я подумал? — улыбнулся Вадим. — Вдруг это судьба? Ну, что мы с вами встретились? Ведь надо же было так совпасть: и друг мой уехал, и вы у кинотеатра оказались, и обратился я именно к вам.

Я улыбалась, храня по этому поводу молчание и все еще теряясь в догадках: то ли у меня видения и возле гостиницы был вовсе не он, то ли глюки у парня и он попросту заговаривается. А что? Обкурился какой-нибудь дряни и самого себя не помнит. Это было бы самым простым объяснением происходящего, но Вадим выглядел совершенно нормальным и адекватным, а в своем душевном здоровье мне до сих пор сомневаться тоже не приходилось. И я загрустила.

Впрочем, особо грустить Вадим мне не давал, болтал без умолку, как-то ненавязчиво взял меня за руку и более ее не отпускал. Так рука об руку мы и очутились возле моего дома. Неказистый вид жилища вызвал на лице Вадима гримасу недовольства, но лишь на мгновение, он поспешил спрятать ее за лучезарной улыбкой, а я сказала:

— Ну, вот... — И мы посмотрели друг на друга в некоторой растерянности: моя относилась к тому, что разгадку странного поведения парня я так и не нашла, а к чему относилась его растерянность, в тот момент меня вовсе не волновало. Можно было придумать предлог и еще немного погулять, но я уже сообразила, что затяжное бродяжничество ясности в ситуацию не внесет, и начала прощаться. Вадим задержал мою руку в своей руке и спросил:

— Можно я завтра зайду?

— Заходи, — пожала я плечами.

— Завтра выходной, — воодушевился он. — Ты не занята?

— До обеда буду убираться, — ответила я. — Освобожусь часа в два. У тебя автобус утром.

— Вечером тоже есть автобус, — сказал он. — Ты всегда по воскресеньям убираешься?

Я объяснила:

— Да я не у себя.

Пришлось рассказать о теткинском приработке и своем участии в этом деле.

— Жаль, что ты не можешь отпроситься, — вздохнул он. — Значит, увидимся в два?

— Хорошо, — кивнула я, и мы наконец простились. Тетка сидела перед телевизором.

— Где тебя носит? — спросила она сурово.

— В кино ходила, — соврала я, чтобы избавить себя от лишних вопросов, но тут выяснилось, что наше

стояние с Вадимом у подъезда не осталось незамеченным.

— Что это за парень? — вновь спросила тетка, на сей раз суровости в ее голосе поубавилось, и появились робкие нотки надежды.

— Познакомились в кинотеатре. Вот проводил домой.

— Он вроде не местный, — продолжала допытываться тетка.

— К другу приехал, а тот укатил на рыбалку.

— И куда же он теперь?

— На Малеевке в гостинице устроился. Завтра хотел зайти.

— Хорошо, — кивнула тетка и развила свою мысль: — Выглядит он солидно. И на пьющего не похож. Чем занимается?

Я подробно пересказала свой разговор с Вадиком, сообразив, что тетка не оставила надежды выдать меня замуж и рассматривает его как возможного претендента.

— А он не женат? — заволновалась она. — Лет-то ему немало, поди уже за тридцать.

— Говорит, что не женат.

— Говорит... — фыркнула тетка. — Ты ухо остро держи, а главное, никаких вольностей не позволяй. Округтит, прости господи, потом останешься с пузом, как твоя мамаша, и что тогда? На меня не рассчитывай, силы уже не те.

— С пузом придется повременить, — ответила я. — Мне еще год учиться.

— Вот и правильно, — кивнула она, и я, воспользовавшись глубокой задумчивостью, вдруг на нее напавшей, ускользнула в свою комнату.

Тетка после моего ухода выключила телевизор и легла спать. Мысли о Вадиме не давали мне покоя. Я открыла створку окна и выбралась на улицу, вос-

пользовавшись тем, что квартира у нас на первом этаже. На Малеевку от моего дома была короткая дорога через пешеходный мост, который находился в двух кварталах от нас. Через пятнадцать минут я уже подошла к гостинице и, пристроившись на скамейке возле забора напротив, стала ждать.

Прошло примерно полчаса, а Вадим все не появлялся. Конечно, можно было предположить, что он заблудился и где-то до сих пор бродит, но у меня на этот счет возникли сомнения. Подождав минут десять, я отправилась в центр города и, еще только подходя к кинотеатру, убедилась, что «Мерседес» находится на стоянке. Оглядевшись и не обнаружив Вадима поблизости, я подошла к гостинице, но не к центральному входу, а к тому, что был во дворе и предназначался для служащих. В гостинице лет двадцать работала мать моей школьной подруги Елена Ивановна. Я не знала, ее сегодня смена или нет, но в успехе своего предприятия не сомневалась, потому что была знакома с ее коллегами. Дверь оказалась открытой, и я, воровато оглядываясь, прошла к стойке администратора. За стойкой, лениво обозревая безлюдное пространство холла, сидела моя подруга.

— Юлька, — позвала я, укрывшись за колонной.

Юлька начала вертеть головой, я выглянула из-за колонны и махнула ей рукой. Она улыбнулась и быстро приблизилась.

— Привет, ты чего здесь?

— Мимо шла. А ты мать подменяешь?

— Ага. Она к бабке в Самару уехала, отпросилась на неделю, а я вот вместо нее. Пойдем потреплемся, делать все равно нечего, и начальства нет.

— Потрепаться — это хорошо, — кивнула я. — Только лучше здесь.

— Почему? — удивилась Юлька.